

7. Повесть временных лет. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I : Текст и перевод. – 404 с.
8. Пушкин А. С. Сочинения : в 3-х т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1987. – Т. 3. – 528 с.
9. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1979. – Т. 2. – С. 87-101.

Берестовская Д.С.

УДК 008(477.75):821.161.1

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЭПОПЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого были связаны с Крымом, где он побывал трижды. Первое, самое значительное, нашедшее глубокое отражение в творчестве великого писателя, было связано с событиями Крымской войны, с участием Л. Н. Толстого в Севастопольской обороне (1854 – 1855 гг.).

Военная судьба Толстого началась на Кавказе. Офицер-артиллерист, участник боевых действий, там он создает свои первые «военные рассказы» – «Набег», «Рубка леса», там впервые им было осмысленно само явление «война» не как художественный образ в повестях Марлинского и поэмах Лермонтова, а как жестокая реальность, где люди убивают друг друга, являющаяся «оскорбительным диссонансом» миру и гармонии природы. «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неповторимым звездным небом? – спрашивает автор. – Неужели может среди этой «обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, лишения или страсти истребления себе подобных?» [2, с.21].

События Крымской войны, вызвавшие глубокие патриотические чувства двадцатилетнего писателя, окончательно сформировали в его представлении и творчестве образ войны и дали возможность поставить нравственные проблемы, получившие дальнейшее развитие в его творчестве (роман «Война и мир»).

16 сентября 1854 года Л. Толстой записал в своем дневнике: «Высадка около Севастополя мучит меня». Он подает рапорт с просьбой перевести его в Крым и 7 ноября 1854 года прибывает в Севастополь. Так начинается Крымская эпопея Льва Николаевича Толстого. Брату Сергею он сообщит в письме: «... я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, а больше всего из патриотизма ...» [1, т. 59, с. 321].

В апреле 1855 года Толстой получает назначение на самый опальный участок обороны Севастополя – 4-й бастион. Там и создается первое крымское произведение писателя-офицера – рассказ «Севастополь в декабре месяце». На 4 бастионе Л. Толстой находился до последнего дня обороны этого рубежа, командовал батареями, прикрывавшей переправу русских войск через Северную бухту. Сохранился «Наградной список на поручика Л. Н. Толстого», где в графе «За что испрашивается награда», отмечено: «За нахождение во время бомбардирования на Язоновском редуте 4-го бастиона, хладнокровие и распорядительность действий». Сослуживец Л. Толстого по Севастопольской обороне вспоминал: «Он был в полном смысле душой батареи. Это был редкий товарищ, честнейшая душа и забыть его решительно невозможно». Сегодня на месте событий установлена мемориальная плита в память о пребывании Л. Толстого в Севастополе (1959 г., выполнена резчиками по камню Г. Н. Денисовым и И. И. Степановым).

Рассказ «Севастополь в декабре месяце» начинается панорамой утреннего Севастополя, так поразившей офицера-артиллериста при въезде в город. Приведем это описание.

«Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-Горою; темно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет – все черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далекий неуловимый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На корабле глухо бьет восьмая склянка» [2, с. 87]. Сюжет произведения складывается из непосредственных наблюдений рассказчика, идущего по улицам осажденного города. В поле его зрения попадают различные эпизоды. С одной стороны, это спокойный, мирный город. Но вот начинается «денная деятельность», и перед нами возникают детали военной жизни: «прошла смена часовых, побрякивая ружьями», «солдатик вылез из землянки», и – резкий диссонанс: «высокая, тяжелая маджара на верблюдах со скрипом потащила на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наполнена...». Изображение будничного драматизма жизни города дает возможность автору воссоздать панораму осажденного Севастополя в декабре 1854 года.

Брату Л. Толстой напишет: «Во времена древней Греции не было столько геройства» [1, т. 59, с. 281 – 282]. Здесь Л. Толстой раскрывается правда, ставшая основным принципом изображения войны: не как романтически возвышенного деяния, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а «в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...» [2, с. 93].

С большим вниманием относится автор к описанию отдельных мест севастопольской обороны – основных топосов; здесь как бы остановилось время – темпоральность, что дает возможность развернуть панораму, как киноленту, и показать отдельные кадры.

Вот госпиталь – «дом страданий», где разворачиваются «ужасные, потрясающие душу зрелища» – «потрясающие» не только болью страданий, но и «молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» [2, с. 91, 92].

Таков старый исхудалый солдат-артиллерист с добродушным взглядом, лишившийся ноги на пятом бастионе. Поражает мастерство молодого писателя в воссоздании образа этого простого защитника города: мы его не только видим, но и слышим: солдат «навел пушку», стал отходить к другой амбразуре, «как он ударит ... меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет» [2, с. 91].

Раненый терпеливо переносит страдания, и только его жена, ухаживающая за ним, раскрывает внутреннее величие этого простого человека, который четыре недели был в отчаянном положении. Но главное не это: «бывши ранен (т.е. истекая кровью, лишившись ноги – Д. Б.), остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи» (ведь он «наводил» орудие! – Д. Б.), а теперь опять хочет на бастион: учить молодых. Л. Толстой находит удивительно точное определение: «бессознательное величие», «стыдливость перед собственным достоинством».

Подробно описывает Л. Толстой и другое, самое опасное место обороны – Язоновский редут и четвертый бастион, где служил он сам и проявил, как мы уже отметили, «хладнокровие и распорядительность действий».

Автор верен себе. В соответствии бытовавшей в то время в русской литературе теорией «физиологического очерка», он описывает в сниженно-натуралистической манере детали этих мест героической обороны: «валяющиеся ядра», ямы с водой, вырытые бомбами, канава (траншея), заполненная жидкой грязью, «желтой, вонючей», к тому же жужжащие пули и «ужасный» гул выстрелов. Это Язоновский редут, место, «сравнительно очень безопасное». Но вот – батарея четвертого батальона – площадка, изрытая ямами, орудия на платформах, земляные валы... Именно здесь рассказчик впервые переживает чувства человека, попавшего под обстрел неприятельских орудий. Позднее, уже во второй половине XX века, Юрий Бондарев, обратившийся к теме «человек и война», напишет: Толстой «сам был фронтовиком, защитником Севастополя, и уж как свистит картечь, крутится на глазах дымящееся ядро, он знал» [4, с. 127]. И здесь в центре внимания автора – люди. Это морской офицер, спокойно сворачивающий папиросу, сидя на орудии, спокойно, «без малейшей аффектации» разговаривает. Он с гордостью рассказывает («но только, ежели вы его расспросите»), как после попадания снарядов в его батарею только одно орудие могло действовать, но как «он утром палил из всех орудий». И главное: «с любовью показывает свое хозяйство», гордится матросами и с горечью говорит о том, как «попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек» [2, с. 97 – 98].

В рассказе «Севастополь в декабре месяце» создан образ защитников города, обобщающий отдельные зарисовки автора, как этюды-наброски художника. Среди них нет главных и неглавных героев, нет даже их имен и фамилий, но каждый из них имеет особые, только ему присущие черты. Именно здесь, в Севастополе, формируется понятие – «дух войска»; «дух армии» – «дух защитников Севастополя». В основе его лежит нравственное чувство – сущность истинного героизма: «Из-за креста, из-за названия, из-за угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине» [2, с. 100 – 101].

Заканчивая рассказ «Севастополь в декабре месяце», автор вновь обращается к образу города: это живописная картина вечерней зари, замыкающая повествование и являющаяся резким диссонансом изображению войны, где люди убивают друг друга: «Уже вечерет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им» [2, с. 101].

Уже в первом севастопольском рассказе Л. Н. Толстой показывает, что действительность оказалась жестче «звучных слов и поэтических образов». Писатель четко сформулировал свою мысль, определяющую характер изображения войны: «не в смысле колебаний великих полководцев», а в плане нравственных проблем: «... каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого» [1, т. 3, с. 228].

Нравственные основы поведения человека в бою, в «предельных ситуациях» (Ю. Бондарев), волновали Л. Толстого в 1850-е годы не случайно: он явился свидетелем различных ситуаций в действующей армии на Кавказе и в Крыму. Ответы на свои вопросы писатель ищет у античных авторов: Толстой читает диалоги Платона, знакомится с биографией Сократа; отражением этих размышлений явились его дневники. В дневнике от 2 января 1852 года Толстой заметил: «Платон говорит, что добродетель составляет три качества: справедливость, умеренность и храбрость» [1, т. 46, с. 241]. В черновом варианте «Набега» слова Платона: «Храбрость есть наука того, что нужно и чего не нужно бояться», – он выносит в эпитафию.

Размышления о храбрости, стремление дать свое определение, основанное на личных наблюдениях и личных ощущениях (Толстой самокритично анализирует свое поведение во время военных действий), характеризует нравственные поиски молодого Толстого: «Что такое храбрость? ... Неужели храбрость есть только физическая способность хладнокровно переносить опасность...» [1, т. 3, с. 229].

Несомненный отзвук платоновских мыслей о том, что мужество и бесстрашие не всегда совпадают, т.к. «мужество – это разумная стойкость», и нельзя «называть мужественными ни зверей, ни какое-либо существо, не страшась опасности по неразумию и поэтому бесстрашное и глупое», например, «детей, которые по неразумию ничего не страшатся», – слышится в рассуждениях Толстого: можно ли назвать храбрым коня, боящегося плети и отважно бросающегося с кручи, ребенка, бегущего в лес из-за боязни

наказания, «человека, который из страха общественного тщеславия» убивает или подвергает себя опасности? [1, т. 3, с. 229].

Тонкий аналитик и вдумчивый наблюдатель, Толстой различает два вида храбрости – «моральную», истинную, «которая происходит от сознания долга», и «физическую», которую вызывает «сознание опасности», «физической необходимости» [1, т. 46, с. 64], т.е. ложную. В дневнике от 12 июня 1851 года он приводит примеры этих двух видов храбрости: «1) человек, добровольно жертвующий собой для спасения отечества или лица; 2) офицер, служащий для выгод» [1, т. 46, с. 64].

Соглашаясь с Платоном в основных положениях, Л. Толстой вносит в определение храбрости то новое, что раскрывает в нем глубокого мыслителя-патриота: «Храбрость есть способность человека подавлять чувство страха в пользу чувства более возвышенного [1, т. 3, с. 239]. «Правда, – добавляет Толстой, – решить рассудком, какое чувство возвышеннее другого, невозможно; но на это есть в нас внутренний голос, который никогда не обманет» [1, т. 3, с. 239].

Этот «внутренний голос» – чувство, лежащее в глубине души русского человека, «высокая побудительная причина [1, т. 4, с. 16], ведущая на героические деяния, – находит замечательное воплощение в «Севастопольских рассказах». Л. Толстой воспекает истинный героизм и патриотизм, «бессознательное величие» тех, кто совершает подвиг во имя народа и Родины.

Второй рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в мае» резко противопоставлен первому, хотя тема та же – Крымская война, оборона Севастополя. Но герои – иные: офицеры, их духовный мир, мотивы поведения, нравственный выбор.

В своем дневнике Л. Н. Толстой записал: «В каждой опасности есть выбор. Выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли то, что должно называться храбростью или трусостью?» [1, т. 9, с. 229]. В основу рассказа положено событие, очевидцем которого был Л. Н. Толстой – сражение в ночь с 10 на 11 мая. Первоначально рассказ назывался «Ночь весною 1855 г. В Севастополе».

В рассказе писатель показывает разный мир, события разного масштаба, произошедшие в течение одной ночи, хотя все это объединено авторским восприятием и стремлением проникнуть в души действующих лиц, дать им своеобразную оценку, лишённую каких-либо резких определений.

Выше мы привели размышления Л. Н. Толстого об «истинной» и «ложной» храбрости. Если первый севастопольский рассказ был посвящён истинным защитникам Отечества, то во втором появляются «офицеры, служащие для выгод».

Рассказ начинается с размышления писателя-гуманиста о чудовищной, бесчеловечной сущности войны: «Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать» [2, с. 103].

Разные пути привели в осаждённый Севастополь героев рассказа – офицеров: знатных (адъютант Калугин, князь Гальцин, барон Пест, поручик Непшитшетский) и незнатных (ротмистр Праскухин, штабс-капитан Михайлов), но все они объединены одной страстью – тщеславием. «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого побуждения» [2, с. 108]. Используя приемы «внутреннего монолога» и «диалектики души» (Н. Г. Чернышевский), писатель проникает в глубокие тайники духовного мира своих героев. Сам Л. Толстой относится к ним по-разному с сарказмом – к князю Гальцину и адъютанту Калугину, с презрением – к поручику Непшитшетскому, с долей сочувствия и снисхождения – к штабс-капитану Михайлову. Невозможно не привести диалога Гальцина и Калугина: оба понимают, что лгут, но продолжают играть определенные роли, скрывая свою трусость и ничтожество:

«Однако не пойти ли мне на эту вылазку? – сказал князь Гальцин после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть там во время такой страшной канонады и с наслаждением думая о том, что его в ни каком случае не могут послать туда ночью.

– Полно, братец! и не думай, да и я тебя не пущу, – отвечал Калугин, очень хорошо зная, однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда» [2, с. 117].

По-разному складываются судьбы героев рассказа этой майской ночью. Барон Пест заколол француза; князь Гальцин, один раз бывший на четвертом бастионе и потому считавший себя храбрецом, оскорбил истинных защитников города, т.к. не мог понять, «чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры»; ротмистр Праскухин был убит осколком разорвавшейся бомбы; Михайлов, легко раненый камнем в голову, вернулся в свою роту. Надежды, сомнения, страх, ужас от ожидания близкой смерти, стыд (с легкой раной хотел идти на перевязочный пункт), мысль о том, что с раной остался в деле – «это поможет к представлению», таков вихрь мыслей и чувств, испытанных Михайловым, все же совершившим благородный поступок: он возвращается к месту гибели Праскухина проверить не жив ли тот: «Это наш долг», – говорит Михайлов.

Кто же здесь истинный герой? Ответ на этот вопрос дает сам автор: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во все красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда [2, с. 145].

В августе 1855 года пал Севастополь. Лев Толстой писал 4 сентября своей тетушке Т. А. Ергольской: «Я плакал, когда увидел город объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах» [2, с. 297].

Как и во всем цикле, посвященном событиям обороны Севастополя, главной является проблема войны и мира – мира, окружающего человека (природы), и мира в душе его. Именно в Севастополе, активным участником обороны которого был Л. Толстой, у него сложились представления, получившие впоследствии воплощение в романе-эпопее «Война и мир». Л. Толстой пришел к выводу: война формирует духовный мир человека, разрушает романтические иллюзии, готовит к истинным подвигам.

Гибелью заканчивается участие в севастопольской обороне братьев Козельцовых, героев рассказа «Севастополь в августе 1855 года».

Перекоп, Дуванкой, Симферополь, Бахчисарай – на пути в Севастополь, куда привела судьба Владимира и Михаила. Именно Михаил Козельцов, командир батареи, совершает подвиг, ведя за собой роту в атаку – прообраз подвига князя Андрея Болконского в Аустерлицком сражении («Война и мир»).

Человек в бою, в «предельной ситуации», когда раскрывается его истинная сущность, нравственная красота, – таков эпизод, венчающий жизнь Михаила Козельцова. Л. Толстой никак искусственно не возвышает своего героя: он ведет обычную жизнь офицера (ночь провел за игрой в карты, утром спит тяжелым сном и т.д.), но в решительный момент высокий порыв ведет его на подвиг.

Услышав возглас молодого офицера, «Все пропало!», со словами «Вздор! Вперед ребята!» Ура!» – Михаил, выхватив саблю, бежит вперед, увлекая солдат. Поразительно точно передает Л. Толстой состояние человека в обстановке смертельной опасности, в высшем напряжении всех духовных и физических сил: «... пули посыпались буквально как град; две ударились в него, но куда и что сделали – контузию, ранили его, он не имел времени решить. ... Козельцов был уверен, что его убьют, это-то и придавало ему храбрости» [2, с. 202].

Михаил получил смертельное ранение, но последнее, что он увидел, теряя сознание, были убежавшие французы. Придя в себя, умирающий испытал чувство гордости собой: он «хорошо исполнил свой долг!» Умирая, спрашивает священника: «Что, выбиты французы везде?». И услышав утвердительный ответ (хотя на Малаховом кургане развевается французское знамя), он испытывает «невывразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело».

Уже современники Л. Толстого – Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский – оценили военные рассказы о севастопольской обороне как цикл, получивший впоследствии название «Севастопольские рассказы». Они стали школой эпического мастерства Л. Н. Толстого – именно здесь, в Крыму, во время Севастопольской обороны, писатель показал героическое и трагическое начало войны как таковой.

В литературе существует два способа изображения войны: с высоты командного пункта и изнутри (из окопа, батареи и т.д.). Сам Л. Н. Толстой называл это «генерализацией» и «атомизацией». В «Севастопольских рассказах» Толстой в художественной образной форме воплотил взгляд «изнутри»: с позиций четвертого бастиона, что помогло ему увидеть истинный героизм русского народа и трагедию войны, где люди убивают друг друга. Уже древние мыслители – Платон, Аристотель – отмечали взаимосвязь героического и трагического. Впоследствии эту мысль разрабатывал Гегель. Герои героической и трагической ситуации – это «характеры высокие, абсолютно определенные», исполненные нравственной мощи, имеющие «нравственное право совершать определенное деяние» [3, т. 3, с. 588]. Таковы истинные герои «Севастопольских рассказов», прежде всего – русский народ и правда, которую Л. Толстой навсегда утвердил как основной принцип произведений на военную тему.

Первое пребывание Л. Н. Толстого в Крыму сыграло значительную роль в его творческой деятельности. Год, проведенный в Крыму, обогатил его жизненный и писательский опыт, познакомил с югом России, с крымской природой, положил начало эпической разработке военной темы, традиции которой мы находим и в мировой (Э. Хемингуэй), и в отечественной литературе (Ю. Бондарев, Г. Бакланов, В. Быков и др.). Традиции военной прозы Л. Н. Толстого, в частности, «Севастопольских рассказов» нашли воплощение в творчестве писателей, прошедших Великую Отечественную войну и отразивших ее героические и трагические стороны так же, как и Л. Толстой, «изнутри», сочетая «генерализацию» с «атомизацией». Обвиненные в некоей «окопной правде», они обращались к опыту своего великого предшественника.

Ю. Бондарев, размышляя о своеобразии толстовского реализма, замечает: «... как будто мужественные и лаконичные «Севастопольские рассказы» Льва Толстого не вобрали в себя всю суровую сущность Крымской войны, бесподобного подвига и не проложили путь к непревзойденному мировому шедевру - эпопее «Война и мир» [5, с. 43].

Г. Бакланов утверждает: «Все лучшее, что написано о войне, опирается на традицию. Это великая толстовская традиция, она явно ощущается в наших книгах. Можно даже сказать, что мы стоим на плечах гения, но видим, к сожалению, ближе, чем он» [6, с. 355].

Можно привести высказывания К. Симонова и многих других писателей. Читая произведения Л. Н. Толстого, Э. Хемингуэй изумлялся «тому огромному преимуществу, которое дает писателю военный опыт» и следовал по этому пути в своем творчестве [7, с. 252].

Так вошла Севастопольская эпопея Льва Толстого в отечественную и мировую культуру, определив героическое и трагическое основания военной темы в реалистическом искусстве.

Источники и литература:

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Л. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1928-1958. – Т. 3. – 228 с.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 2. – 1979. – 424 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Искусство. – Т. 3, 1971. – 627 с.; Т. 4. 1963. – 675 с.
4. Бондарев Ю. Поиск истины / Ю. Бондарев. – М. : Современник, 1979. – 304 с.
5. Бондарев Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / Ю. Бондарев. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 3. – 465 с.
6. Бакланов Г. Собрание сочинений : в 4 т. / Г. Я. Бакланов. – М. : Худож. лит. – Т. 4. – 463 с.
7. Хемингуэй Э. Избр. произв. : в 2 т. / Э. Хемингуэй. – М. : Худож. лит. – Т. 2. – С. 252.

Головко О.Н., Винокурова В.И., Красильникова М.В.**УДК 338****УНИКАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КРЫМА КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ
МИСТИЧЕСКОГО ТУРИЗМА**

Постановка проблемы. Современная индустрия туризма является одной из самых высокодоходных и динамичных отраслей мировой экономики. На ее долю приходится значительный процент валового национального продукта, мировых инвестиций, рабочих мест и потребительских расходов. Следовательно, все, что связано с туризмом, актуально уже само по себе. В последнее время большой интерес вызывает новое направление, получившее название «мистический туризм». Профессионалы туристической индустрии утверждают, что искушенный турист, побывавший во многих странах, жаждет чего-то необычного, ищет острых впечатлений. Поэтому мистический туризм – это именно то, что нужно для избалованного туриста.

Крым как уголок уникальной земли издавна привлекает туристов, его по праву называют природной жемчужиной Европы. Здесь на стыке умеренных и субтропических широт сконцентрировано богатейшее биоландшафтное разнообразие: горы и равнины, древние вулканы и грязевые сопки, моря и озера, леса и степи, ландшафты субсредиземноморья и полупустыни Присивашья. Крым обладает притягательной силой, влюбляет в себя с первого взгляда, невольно погружает в загадочную глубину древних тайн и легенд.

На крымском туристском рынке представлены разнообразные виды активного и приключенческого туризма. Некоторые из них – горнопешеходный, спелеотуризм, парапланеризм – имеют давнюю и интересную историю, другие же – дайвинг, маунтин-байкинг, конный туризм – появились на полуострове не так давно. А вот такое модное направление, как мистический туризм, до сих пор остается не развитым.

Анализ исследований, выделение нерешенной части проблемы. В Крыму пересеклись исторические пути множества народов и цивилизаций, поэтому его история полна самых невероятных событий и неожиданных поворотов, отраженных в научной, популярной и художественной литературе. Теме культурно-исторического наследия Крыма посвящены многочисленные труды крымских исследователей. Например, в сборниках, посвященных легендам Крыма переплелись греческие, армянские, караимские, татарские, русские и украинские легенды. В книгах историка В.Г. Шавшина повествуется о многочисленных памятниках культурно-исторического наследия Севастополя. В научной литературе представлен ряд значимых исследований крымских ученых по природно-ресурсной и туристской тематике. Это работы В.А. Бокова, В.Г. Ены, Ал.В. Ены, Ан.В. Ены, А.Н. Олиферова, Е.А. Позаченюк и др. Однако, такой пласт, как мистический туризм в Крыму, пока остается неисследованным. Попытаемся приблизиться к данной проблеме и рассмотреть ее ресурсную составляющую.

Целью статьи является рассмотрение возможности развития мистического туризма в Крыму на основе его уникальных природных и культурно-исторических ресурсов.

Изложение основного материала. Мистический туризм набирает обороты и пользуется спросом в мире. Как утверждают психологи – то, что человека пугает, то же его и притягивает. Интерес к мистическому туризму с каждым годом возрастает: соответственно и для Крыма эта тема становится актуальной. Тяга человека к мистике существовала всегда – непознанное не давало ему покоя во все времена. Интересных для искателей мистики мест в мире множество. Интернет-опросы свидетельствуют, что наибольшей популярностью пользуются мистические туры в Тибет (примерно 32% голосов). На втором месте по популярности – посещение Румынии (18%). Индия притягивает миллионы людей, одержимых духовным поиском (15%). Непал как страна притяжения любителей эзотерики держит четвертое место (13%). Примерно 8% аудитории хотели бы увидеть «темную сторону» Чехии. Остальные (около 10%), выбравшие «другое», возможно, хотели бы постичь тайны древних инков, ацтеков или майя. А может – совершить путешествие к африканским шаманам. Или исследовать старые улицы и дома Москвы, мосты и дворцы Санкт-Петербурга. Ведь любой город имеет свою непознанную сторону – надо только научиться видеть ее.

Интерес к мистическому туризму в последнее время заметно возрос. Желающих поучаствовать в празднествах Ивана Купалы или Шморского Хэллоуина найдется немало среди людей разного достатка, уровня интеллекта и возраста. Непознанные летающие объекты встречаются и в России, и в Шотландии, и даже в Антарктиде. По всему миру формируются туры, в которых ключевую роль играют привидения и легенды, связанные с местом посещения. В экономике западноевропейских стран развивается целое направление, называемое паранормальным бизнесом. Стало весьма выгодным переоборудовать дома и